

Несмотря на то, что прослушивание в 1307 завершилось неудачей, Кадзэхайя Тсукина всё же решительно покинул Японию и вместе с матерью отправился жить во Францию.

Прожив в Париже три месяца, Кадзэхайя Тсукина решил вернуться в Японию.

Вернуться в свой бывший дом.

Чтобы забрать свою теннисную ракетку.

Не поймите неправильно, он просто не хотел, чтобы его вещи оставались в доме этого человека.

Глядя на знакомую, но в то же время чуть-чужую парадную дверь, Кадзэхайя Тсукина достал из рюкзака ключ.

Вставил его в скважину, повернул.

Движение, повторенное сотни, если не тысячи раз: детская фигурка, когда-то едва возвышавшаяся над дверной ручкой, постепенно слилась с нынешним юношей изящной и прекрасной внешности.

Дверь отворилась.

Кадзэхайя Тсукина убрал ключ и слегка нахмурился, окинув взглядом обстановку внутри.

В его воображении пыль должна была быть стерта, а в пространстве появилось бы чуть заметное, едва уловимое тепло, принадлежащее человеку — но, кроме книги на диване, никаких конкретных следов пребывания не осталось.

Этот человек возвращался.

Юноша холодно усмехнулся.

Что такое? Перестал здесь жить, так сразу потянуло домой?

Книга лежала так, будто ее бросили на ходу. Кадзэхайя Тсукина поднял ее и заглянул внутрь.

Это был самый свежий выпуск Теннисного ежемесячника.

Чуть не разминулись.

Он ведь специально выбрал время, когда этот человек обычно был занят больше всего, но всё равно едва не столкнулся с ним здесь?

Он не стал открывать журнал, но обложка уже красноречиво говорила о его главном содержании:

Рождение нового короля теннисного мира! Риккай триумфально завоевывает национальное

первенство!

Группа подростков обступила светло-лиловоголового юношу, державшего в руках кубок. Они улыбались — дерзко, ярко, переполненные юношеским задором.

Кадзэхайя Тсукина еще не знал, какое значение эта мимолетная встреча сыграет в его жизни, но его взгляд на мгновение замер.

Национальное первенство, значит...

Полистав журнал наугад, он наткнулся на интервью со светло-лиловоголовым парнем, и эта страница заставила его остановиться:

Теннис — это я сам.

Оказывается, он капитан.

Самого текста интервью он читать не стал, но заметил глаза этого юноши — невероятно красивые глаза.

В них читалась твердость, которой так не хватало ему самому.

Вне зависимости от внешности, сейчас его заставляла сиять именно страсть.

Сын небес, Сэйити Юкимура...

Вернувшись во Францию, Кадзэхайя Тсукина волей-неволей то и дело возвращался к записям матчей Сэйити Юкимуры и материалам его интервью...

Са Сам не зная зачем — возможно, просто ради того самого взгляда, ради крупницы той твердости и страсти, которых у него не было.

Пусть он по-прежнему оставался далеко во Франции и всё так же забросил теннис.

Но благодаря Сэйити Юкимуре Япония и теннис упорно продолжали присутствовать в его жизни.

Прошло еще немного времени, и Кадзэхайя Тсукина завертелся в водовороте забот: он должен был принять участие в опере, которую ставили в Парижской оперной театре, а после этого планировались гастролы.

Временами он урывками просматривал видеозаписи матчей Сэйити Юкимуры, но из-за сильной занятости делал это всё реже.

К тому моменту, когда более чем полугодовые гастролы подошли к концу, Кадзэхайя Тсукина уже около трех месяцев не заглядывал в интервью и матчи Сэйити Юкимуры.

К его удивлению, за прошедшие полгода новых матчей и интервью у Сэйити Юкимуры почти не прибавилось; особенно за последние несколько месяцев не было сыграно ни единой игры — казалось, он словно растворился в воздухе.

Хотя Кадзэхайя Тсукина и удивился, особого значения он этому не придал. Его не волновало, куда ушел Сэйити Юкимура, потому что, с его точки зрения, человек с таким взглядом где угодно будет упорно и искренне преследовать свою мечту и свою страсть.

Он уже давно заочно знал Сэйити Юкимуру, поэтому был уверен:

Решимость Сэйити Юкимуры была куда крепче его собственной, он не станет сдаваться так, как это сделал он сам.

Он подсознательно настраивал себя на лучший исход: быть может, где-то там, куда не падал его взгляд, Сэйити Юкимура по-прежнему серьезно продолжает играть в теннис.

Сын небес, дитя богов — его должны оберегать божества...

Он и помыслить не мог о том, что бывает иначе: что, если дело не в том, что не хочется играть, а в том, что больше нельзя?

Сын небес... Кто же скажет наверняка, дитя ли он богов или тот, кем боги пожертвовали?

В результате Кадзэхайя Тсукина совершил одно из самых сокрушительных решений в своей жизни — он не стал вдаваться в подробности.

Шло время, но от Сэйити Юкимуры по-прежнему не было никаких вестей.

Хотя на душе оставался легкий осадок сожаления, у него не было времени ждать.

Он коснулся пылящейся поодаль теннисной ракетки.

С возвращением, теннис.

С возвращением, страсть.

Теннис уже слишком долго ждал его впереди, и времени было упущено слишком много. У него давно не оставалось возможности останавливаться на достигнутом. Сейчас для него было важнее всего:

Как можно быстрее вернуть и даже превзойти прежнюю форму. Ему хотелось показать свою игру Сэйити Юкимуре — тому, кто зажег этот огонь заново.

Для него это было не так уж сложно.

Он думал:

Возможно, мы скоро встретимся...

Кто знает, может, мы даже станем друзьями...

Да, обязательно станем, непременно станем друзьями...

С этими мыслями его шаги стали легкими, и он, подгоняемый смутным, трепетным предвкушением, шагнул навстречу неизведанному завтрашнему дню.

<http://bllate.org/book/22380/2347825>